

5.907 тысяч художественных книг на сумму 2.900 тысяч рублей отправил КОГИЗ в деревню в 1934 году. Более половины отправленных книг являются произведениями классиков. Всего же в централизованном порядке в прошлом году КОГИЗ отгрузил в деревню до 10.470 тысяч экземпляров книг, общей стоимостью в 5.900 тысяч рублей.

Таким образом художественная литература занимает более 50 процентов всех книг, поступивших в книжные колхозы МТС и совхозов.

Колхозное искусство

Открытие выставки самодеятельного колхозного искусства явление громадного значения. Выставка является показателем культурных сдвигов, происходящих в колхозной деревне. Станковая живопись и скульптура — такие формы изобразительного искусства, развитие которых происходит на базе устойчивого материального бытия. То, что сейчас в колхозной деревне получают такие широкое развитие именно станковые формы (украшение бытовых вещей в старой деревне), свидетельствует о том, какие большие шаги сделала колхозная деревня по пути к зажиточности.

Деятельность колхозного художника несомненно протекает в сфере интереса и внимания к его работе со стороны односельчан. У многомиллионного колхозного крестьянства возникает насущная потребность в искусстве. Перед колхозниками — художниками стоит почетная и трудная задача непосредственного удовлетворения этой, все растущей, потребности. Для профессионального искусства задача эта является небытовой. Могут ли колхозные художники с этой задачей справиться? Ведь требования неслучайны, и это — творческая продукция здесь не может иметь успеха.

Прежде всего поражает обилие талантов. Оно дает спокойную уверенность в развитии советского искусства, потому что ресурсы неисчислимы. Не нужно сравнивать художников-колхозников с двумя гениями самодеятельного искусства конца XIX — начала XX в., случайно появившимися в сфере «высокого искусства», французом Анри Руссо и грузином Нико Пироманавили. «Открытие» этих двух художников (это неслучайно не снижает подлинности их дарования) было своего рода способным реакцией против слишком рафинированных блесков, изысканных современными искусством. Недаром обоих художников «открыли» тоже художники и притом наиболее причастные к самым «левым» течениям современного искусства. (Руссо открыл Пикассо, Пироманавили — Занневич).

Для буржуазии же эти два мастера со своим непосредственным отношением к действительности остались «монстрами», подобно вольтерскому простому туземцу. Однако именно эта «наивность» позволяла Пироманавили отразить в большой силе моменты социального неравенства. («Миллиард бедняк — белая с дельтами» и др.).

Цель этого исторического экскурса помочь увидеть, что на колхозной выставке мы имеем дело не с появлением одного или нескольких выдающихся дарований, а с массовым явлением большого социального порядка, приобщением широчайших кругов к искусству и выживанию целой армии художников.

Характер живописи колхозников колхозников чрезвычайно разнообразен. Это разнообразие форм зависит от разнообразия географического, от особенностей отдельных художников и, что особенно интересно отметить, от разнообразия форм участия в колхозной жизни. Колхозный художник изображает самое ему близкое, самое кровное и потому для его искусства имеет решающее значение, является ли он пастухом или охотником, работником на поле или в колхозе. Этот профессионализм восприятия придает работам художников-колхозников безотосительную ценность раскрытия новых сторон действительности. Это черта совсем асо видна в работах таких художников, как Власов. Власов — зоотехник. В своей картине «Тренировка» он проявляет исклю-

чительное профессиональное знание особенностей строения и движения лошади. Это знание в соединении с тактичным колористическим разрешением всей картины заставляет вспомнить скаковую серию Эдгара Дега. Те же черты специфически профессионального восприятия мы находим и в Вознесенском, колхозника-животноводца, в его картине «Телятница» и у чабана Каракаевской автономной области Акбаева и у чабана Крымской ССР Наголова.

Второе качество, проникающее работы художников-колхозников и объединяющее самые разнообразные стремления, качество, столь редкое в профессиональном искусстве, это — поэтическое чувство. Среди работ, представленных на выставке, есть вещи наивные, есть вещи слабые, даже беспомощные, но совершенно нет вещей безразличных, холодных или самолюбивых. Волнение и любовь к новому строю жизни заставляют колхозника заимствовать искусство, и он вкладывает все это волнение и любовь в свою работу. На каждой выставке мы встречаемся с проявлениями этой поэтичности, этого лиризма. Они проникли во все творчество председателей колхоза деревни Рязанова Мужилкина, художника, с большой теплотой передающего самые обычные сюжеты окружающей действительности. Его нежное, тревожное, реалистическое искусство невольно наводит (да простят мне это «дерекое» сопоставление) на мысль о Шарлене. Хочется думать, что успехи похвалы не вскружат голову этому обаятельному художнику. Тот же лиризм мы находим в «Волгописе» и в «Строике моста» Сухоруленко, в «Сахарном заводе» и «Плетях» Смелкина, в рисунках Нелепо «Колхозный огород» и «Колхозный урожай».

Из этой любви к действительности вытекает другое, тоже общее качество: глубокое внимание к самой живописи, к средствам выражения, к материалу. Для художника-колхозника живопись или скульптура не развлечение, а иная форма труда, к которой он относится так же сознательно и ответственно, как и к своей основной профессии. Многа это внимание к самому материалу живописи в соединении с волей к наиболее полной передаче реальности приводит к своего рода наивному материализму, к попытке пигментовать — реально материал, материал красочную. С такого рода фактурными ухищрениями мы встречаемся в интересной картине Миллюкова «За работой». Однако эти обостренные фактурные задачи разрешаются у Миллюкова все же в плане живописном. Ни Миллюков, ни Гусев, ни Вознесенский, разрабатывающие каждый по-своему проблему материала, никогда не скатываются на скользкую дорожку иллюзионизма, исключая пластическое понимание живописной формы. Это не старательные самоучки, это мастера, ставящие сложные художественные задачи, но разрешающие их не в плане профессионального искусства.

Выставка показывает мощный отрыв самодеятельного искусства, о существовании которого можно было только предполагать. Вместе с тем выставка поднимает проблему развития самодеятельных художников. В какой форме должна выражаться не обходимая колхозным художникам учеба? Это вопрос большой и сложный. Методический отдел выставки его ни в какой мере не решает. Будем надеяться, что путем плодотворной дискуссии будут найдены методы, которые обеспечат дальнейшее творческое развитие колхозных художников на тех правильных избраных ими самим путях.

З. ВИКТОРОВ.

1 Всероссийская выставка работ самодеятельных колхозных художников. «ТЕЛЯТНИЦА» — ВОЗНЕСЕНСКИЙ (колхозный животновод Шеховского района, Московской области).

Литературная газета

Орган правления Союза советских писателей СССР

№ 8 (499)

Воскресенье, 10 февраля 1935 года.

СЪЕЗД ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ КОЛХОЗОВ

Два года назад прозвучали с трибуны первого Всесоюзного съезда колхозников-ударников исторические слова тов. Сталина: «сделать колхозы большевистскими и колхозников зажиточными».

Лучшие люди колхозной деревни, командиры тракторных колонн, передовики культурного сева, бригадиры и инспекторы по качеству, колхозные конюхи и агрономы понесли эти слова великого вождя трудящихся как боевое знамя в миллионные массы колхозников. Величественную картину всенародного наступления на фронте социалистической перестройки сельского хозяйства представляли эти два года. Под руководством партии, с помощью созданных по инициативе тов. Сталина политотделов, колхозы Советской страны закрепили историческую победу колхозного строя и показали всему миру образец небывалого хозяйственного и культурного подъема. II всесоюзный съезд колхозников-ударников сможет по праву заявить ленинской партии и великому Сталину: «есть большевистские колхозы, есть зажиточная жизнь».

На VII всесоюзном съезде советов в докладе т. Молотова был подведен итог величайших успехов в развитии социалистического сельского хозяйства нашей страны. Уже в 1933 году — на 590 миллионов пудов выше урожай против «рекордного» 1913 года. Лишних 250—300 млн. пудов в 1934 г. против 1933 г. — и это при одинаковом урожае — за счет уменьшения потерь, за счет подъема КУЛЬТУРЫ полеводства, пахоты, сева, уборки. Колхозное животноводство сделало такие большие шаги вперед, показав по переписи 1935 г. тенденцию прочного роста. Слова т. Сталина, что большевики позаботятся о том, чтобы каждый колхозник имел корову, находят свое воплощение в тридцатипроцентном приросте за один прошлый год крупного рогатого скота, в удвоении количества телат. Трудящиеся колхозники несут явное преимущество сельского хозяйства растущего из года в год, меняя в море производства новое лицо нашей деревни, воспитывая новые и новые десятилетия и сотни тысяч некалеченных молодых мастеров трактора и комбайна из рядов колхозной молодежи. «Колхозы крепнут и уже могут бороться с большими задачами» — такова итог, формулированный словами т. Молотова.

За эти годы наша колхозная деревня необычайно выросла и в общекультурном отношении. Вокруг борьбы за чистоту, за оздоровление жилья, за хорошие дороги, за родильную избу и благоустроенные ясли мобилизовались миллионы колхозниц. Книга, газета, радио стали привычной, повседневной потребностью миллионов колхозников. Театр и кино, вошедшие в колхозный быт, встречают настойчивый спрос на монументальную пьесу и первоклассную фильму. Открывающаяся недавно выставка колхозных художников-самоучек свидетельствует уже о многом: о сменности и живости восприятия действительности, о серьезном и вдумчивом подходе к творческому акту, о росте настоящего художественного вкуса у нашей колхозной молодежи. Колхозная деревня показывает рост физической культуры, проводит массовые спартакиады, перебивающие «городские» рекорды. Во всех обла-

стях культуры и знания наша деревня показывает стремительные темпы движения вперед.

На фоне этого огромного культурного роста новые, повышенные требования выдвигает колхозная деревня и к нашей художественной литературе. Художественная литература в огромном почте среди миллионов колхозников. Неслыханно растет спрос на русских и иностранных классиков, на произведения наших советских писателей. Глубже, вдумчивее, требовательнее становится подход деревенского читателя к литературному произведению, к его выразительности и правдивости, к художественной силе образа и слова. Тысячи живых героев наших колхозных романов и повестей, читая о себе самих, обращают к писателю все более решительный призыв: надо еще лучше, еще ярче, еще ближе к волнующей правде величественных наших дней!

Наша литература насчитывает уже ряд произведений, по праву завоевавших признание и любовь колхозных масс. Образы «Поднятой целины», «Брусков» прочно вошли в идейный обиход нашей деревни. Колхозных героев наших книг знают, уважают, их цитируют и обсуждают и на молодежных вечеринках и в бригадном лагере.

Но при всем этом нашей литературой сделано еще бесконечно мало для отображения необятных сдвигов, происшедших в советской деревне. Уже отошли в прошлое самые напряженные страницы борьбы за победу колхозного строя. Уже вошли мы в новую большую эпоху колхозного развития. Колхозная деревня теперь по своим темпам подъема пойдет ногой в ногу с индустрией — «это задача большая и трудная, но она действительно достойна новой колхозной деревни, достойна советской земли» (Молотов).

И нам, советской литературе, нужны новые горячие и радостные книги, достойные нынешнего этапа жизни и развития колхозной деревни. Эта задача встает во весь рост перед нашими мастерами пера, увлекательная и почетная задача — показать нашу колхозную деревню на фоне великих лет ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ.

II съезд колхозников-ударников разрешит ряд важнейших хозяйственных и организационных задач, связанных с переходом в высший класс культуры сельскохозяйственного труда. В работе съезда найдет преломление исторический лозунг тов. Сталина «главное теперь забота о людях, овладевших техникой».

Этим людям колхозной деревни, их простым и большим делам — наши творческие усилия, наша упорная работа над созданием новых больших полотен, живописующих величие становления социалистического сельского хозяйства в нашей стране под знаменем Ленина — Сталина.

Кадр из фильма «КРЕСТЬЯНЕ». Режиссер — Ф. ЗРИМЕР.

ЖУРНАЛ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ

Переделка отсталого, жеманства пережитого сельского хозяйства старой парковой России в самое передовое в мире социалистическое земледелие сопровождается и коренной переделкой людей. Миллионы темных, забитых, бедных мужиков прошлого превратились у нас в передовых сознательных колхозников, строящих вместе с пролетариями и трудящимися города социалистическое общество.

Изменились производственные отношения людей, коренным образом изменилась техника земледелия, изменилось и изменится сознание миллионов армии работников села. Старые, веками сложившиеся взгляды, понятия и навыки сменяются новыми.

Само понятие зажиточности, которое сейчас так популярно в деревне, звучит по-иному. Даль определяет слово «зжиточный» как живущий без нужды, в материальном достатке. Теперь это уже не выражает всего содержания зажиточности. Для колхозника мало быть сытым и одетым. Передовой зажиточный колхозник заводит у себя радио, покупает патефон, выписывает газету, читает книги. Жить зажиточно — это значит для него прежде всего жить культурно. Изюминка деревенской жизни надежней всего проявляется в культуре и знанием. И колхозники жаждут знаний, они хотят глубже понять и осмыслить окружающую их действительность.

В деле выработки нового в основе своей научного, — а это значит марксистско-ленинского — мировоззрения большое значение имеет такой печатный орган, который бы давал колхознику широкие знания как в художественных произведениях, так и в научно-популярных статьях и очерках. Эту задачу и ставит себе журнал «Колхозник», издаваемый

«Крестьянской газетой» под непосредственным руководством А. М. Горького. Три выпущенные номера «Колхозника» достаточно определили лицо этого «толстого» журнала колхозной деревни. Можно смело утверждать, что журнал берет правильный курс для разрешения стоящей перед ним сложной и ответственной задачи.

«Колхозник» обильно удовлетворяет культурные запросы нашей деревни, помещая рассказы «о жизни крестьян и рабочих в наши дни и в прошлом, о советской власти... статьи о работе науки, обогащающей труд колхозника, усиливающей плодородие земли, статьи о жизни людей труда в других государствах».

Характер труда определяет и характер отдыха, досуга. В прошлом изнурительный кабальный труд гнал мужика в кабаки или церковь, откуда он возвращался, одурманенный физически и духовно. У нас, наоборот, технически гораздо более сложный труд колхозника не изнуряет его сил до бесчувствия, до апатического отношения ко всему окружающему, а побуждает к выработке новой культуры труда, соответствующей высокому уровню техники социалистического земледелия. А. М. Горький пишет по этому поводу в своей замечательной «Беседе»: «В нашей стране всякий труд должен превращаться именно в искусство преобразовать мир, в искусство изменения страны, украшения ее словом, делом, вещами. Красивые вещи воспитывают творческое воображение людей и уважение их к труду».

Содержание выпущенных номеров «Колхозника» богато и поучительно. В журнале есть и отдел художественной литературы, и отдел научно-популярный, и отдел политики. Не ставя себе целью исчерпывающе

рассматривать все отделы, остановимся на самом примечательном.

В отделе художественной литературы особенно следует выделить рассказы А. М. Горького о старой деревне «Шорник и повар», и «Знакомство». В ярких и убедительных образах даются в этих рассказах картины быта и жизни мужиковой деревни, деревни, где хозяевами были кулак, помещик, поп, урядник. Превосходный язык рассказов насыщенный деревенским фольклором, что делает их особенно доступными для колхозного читателя.

Рассказы о современной советской деревне — Зриберг «Стремительная весна», Л. Воронцов «Сельские Ураи» и Скореев «Оазис» — сделаны хорошо, однако их уличный вес в журнале еще недостаточен.

Пока совершенно отсутствуют в журнале стихи. Между тем культура стиха для нашей деревни дело чрезвычайно важное. Колхозники сами сочиняют частушки и песни и развитие поэтического вкуса у них крайне необходимо. Помимо оригинальных стихов можно было бы помещать переводные. Иностранцы классические поэты переведены на русский язык далеко не полно.

Из научно-популярных статей в первую очередь следует отметить очерк М. Минкина об И. В. Мичурине («Мастер земли»). Его бы следовало выпустить отдельным изданием, как образец живой и волнующей биографии великого русского самородка, всю свою жизнь отдавшего упорной работе по изучению и выращиванию новых растительных культур. Глубокой мудростью проникнуты слова Мичурина о пресловутых героях истории. Умер президент Германской республики Гинденбург, «навеки успокоился под одной из восьми башен Танненбергского памятника», — говорит Мичурин. — а какие у него заслуги, у этого Гинденбурга. Войны и до него гремели. Тимур вон без малого всю землю покорила. А что от него осталось, от этого Тимура? Опи только развалины в Самарканде. ...И в эти памятники никакой веры не имею. Ты слухай меня: камень или там бронза — материал непрочный, прочнее всего на свете — земля». Быва ли можно найти более глубокое применение известных слов поэта о памятниках к трудовой деятельности человека.

Из других научно-популярных статей следует отметить две последние главы из книги рассказов М. Ильина о перестройке природы («Разговор о погоде» и «Горы и люди»). Особенности Ильина является его умение подвзывать «сухой» научный материал занимательно и элементарно просто. Ильин рассчитывает сложный научный вопрос на простейшие составные части и так их организует, что становится ясным и интересным самый казался бы скучный факт или явление природы.

Упомянем в этой связи также статьи Б. Семева о «Пустыни и их обитателях» и А. Яковлева «Большая Волга».

Вопрос, рассказы и статьи всех отделов журнала написаны хорошим, доступным языком и не страдают — как это часто имеет место в наших журналах — избыточными размерами.

Журнал превосходно иллюстрирован и оформлен — необходимо только изменить обложку. Каждый номер журнала является для колхозного читателя не только многообразной по содержанию, интересной и поучительной книжкой, но и книжкой культурно сделанной технически.

Вывод: журнал «Колхозник» прекрасное и ценное явление в нашей периодике.

Дневник литературной газетчи

10 ФЕВРАЛЯ

Далеко не обычная книга вышла на днях в издании «История фабрик и заводов».

Сто авторов — слесари и грузчики, кузнецы и паровозники, конюхи и машинисты эскаваторов, домашние работники и геологоразведчики, забойники и инженеры, директор предприятия и слушающая детских яслей — писали ее.

Книга эта появилась как ответ на настоящие призывы А. М. Горького «знать все, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это осуществляется учением Маркса» — Ленин — Сталина и как это реализуется трудом на фабриках и на полях, — трудом, который организует, которым руководит новая сила истории — воля и разум пролетариата Союза социалистических республик.

Книга эта рассказывает о колонизации и насаждении промышленности на Урале, о крепостном, рабочем труде рабочих, о хищническом русском капитализме и знаменитой «династии» Демидовых, о страшном быте и варварских условиях труда.

Книга эта рассказывает о забастовках, о «генеральной репетиции» Октября, о гонимых реакциях, о героической партии большевиков, о победоносной пролетарской революции и в первых шагах советской власти.

История фабрик и заводов, ведущейся в нашей стране, книга эта автором тем не менее не «история предприятия» в прямом и точном смысле этого слова. Это и не «художественные портреты строителей социализма» подобно известной книге «Люди сталинградского тракторного».

Не ставя перед собой каких бы то ни было специфически литературных задач, руководимые лишь желанием «изложить факты прошлого», показав путь своего класса, авторы, сами того не подозревая, создали книгу совершенно нового жанра — энциклопедическое повествование о становлении пролетариата, книгу коллективного героического эпоса рабочего класса.

В истории заводов рождается новый эпос, — на этот раз не на основе мифологии, а на основе свободной, самостоятельной и научной практики миллионов людей — строителей социализма, этой новой поэтической действительности будущего человечества.

Эта замечательная книга фиксирует познание рождение рабочего эпоса: имея большое познавательное и чисто художественное значение, она несомненно вызовет значительную критическую литературу. Эту книгу будут брать в качестве образца для своей работы многие заводские литературные кружки и авторские коллективы по истории фабрик и заводов.

Называется книга «Были горы Высокой». Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни.

Высший государственный институт кинематографии празднует пятидеся-

тилетие своего существования.

Первая в мире государственная школа по подготовке технических и творческих кадров для кино организовалась через несколько лет после известного женского декрета о национализации кинематографии.

В противовес высочайшим частным киностудиям, этим «инкубаторам кинозвезд», государственный техникум кино поставил перед собой задачу подготовки кадров для кино на серьезной научно-теоретической основе. Уже с первых лет существования ГТК в нем, несмотря на наличие распространенных тогда настроений «генеральщины» и беготни, формировались и крепли творческие течения, сыгравшие впоследствии серьезную положительную роль в советском кино. Сюда относятся, например, работы Кузнецова, еще тогда применившего метод предварительных репетиций, широко внедряемый сейчас на киностудиях.

За 15 лет институт выпустил несколько сот квалифицированных режиссеров, операторов, актеров, сценаристов и художников, дав тем самым блестящий ответ тем, кто вообще сомневался в возможности воспитания в киношколе творческих работников в кино. ГИТ интересовались и внимательно следили за ним иностранные кинорежиссеры, и киноорганизации, использовавшие много лет опыта советского института для организации кинообразования за границей.

Из числа окончивших ГИТ выросло немало ведущих творческих работников кинематографии, орденосносцы, заслуженные деятели искусств и заслуженные артисты республики.

ГИТ недавно реорганизован в Высший государственный институт кинематографии типа художественной академии. В его научно-исследовательском секторе сосредоточена теоретическая и исследовательская разработка проблем кинематографии. Среди его преподавателей — лучшие творческие и теоретические силы советского кино. Подбираются крепкие кадры аспирантуры.

Пятидесятилетие существования старейшего советского художественного вуза — прекрасная иллюстрация наших достижений в области советской кинематографии, в области художественного образования вообще.

Сценарный факультет ВГИК, который готовит для кино кадры авторов драматургов — область, непосредственно связанная с советской литературой и драматургией. Сценарий — высококачественное произведение, имеющее право на самостоятельную художественную жизнь. У нас уже есть образцы талантливейших произведений, написанных для экрана. Успехи советского кино дают нам право ожидать от кинодраматургов произведений, которые будут ценным вкладом в нашу художественную литературу.

В дни празднования пятидесятилетия существования ВГИК мы приветствуем от лица писательской общности старейший художественный вуз республики, внесший свой немалый вклад в советскую кинематографию, дальнейший расцвет которой является общим делом не только работников кино, но и работников смежных областей искусства и в первую очередь — советской литературы.

ОТ СЕКРЕТАРИАТА ССП

Секретариат Союза советских писателей СССР горячо приветствует редакцию журнала «Октябрь» в дни его десятилетия.

Ленинское руководство ЦК нашей партии во главе с ее великим вождем тов. СТАЛИНЫМ обеспечило общий рост социалистической культуры и литературы нашей страны.

Первый всесоюзный съезд писателей показал миллионным массам трудящихся нашего Союза и всего мира идеальную глубину, единство и интернациональное значение нашей литературы.

Писатели всех народов Советского Союза, представители всех литератур СССР встретились, чтобы наметить путь новых побед на фронте советской литературы — передовой литературы мира.

Этот путь — социалистический реализм, под знаменем которого идет и будет идти наша работа.

Этот путь — упорная борьба за глубокую идейность, преданность интересам социализма, интересам освобождающегося от гнета капитализма человечества, на одной шестой земного шара победоносно творящего новую счастливую жизнь. Этот путь, наконец, — борьба за выявление и выражение новых творческих сил, талантов из недр трудящихся масс, борьба за массовое искусство.

Журнал «Октябрь» принадлежит немало заслуг в деле собирания, организации и воспитания кадров пролетарских писателей, в деле борьбы за пролетарскую литературу против разнообразных ее врагов.

Журнал «Октябрь» на своих страницах дал ряд произведений, верно отражающих нашу социалистическую действительность, дающих волнующие образы героев социалистического строительства.

Отмечая идейно-художественный рост журнала, углубление критического материала, живую повседневную работу с молодыми авторами, мы не можем не подчеркнуть, что перед журналом «Октябрь» в его дальнейшей работе стоит задача борьбы за художественное мастерство в свете требований возросшего незыблемого советского писателя, решений съезда, указаний и советов А. М. Горького. Мы особо приветствуем инициативу журнала «Октябрь» в развертывании работы с областными и краевыми писателями, ряд произведений которых напечатаны за последние годы на страницах журнала.

Секретариат ССП выражает уверенность, что журнал с честью выполнит свою задачу, выдвинув в литературу новые имена, помогая их творческому росту.

Иная в основу своей работы мудрые указания тов. Сталина, советская литература преодолевает свое отставание от социалистического строительства и строит в высокохудожественной форме, методом социалистического реализма отражает величайший героизм рабочего класса и его партии, строящих социализм.

той замечательной действительности социализма, которую в героических усилиях создавал и создает, творил и творит пролетариат нашей страны под руководством партии Ленина и Сталина.

«Октябрь» боролся за новый, пролетарский тип советского писателя, всем существом своим, всеми своими мыслями и чувствами связанного с той борьбой за социализм, которую вели и ведут партии и рабочий класс; боролся за тип писателя — живого, активного участника боев за социализм.

На страницах «Октября» напечатано не мало произведений, побывших широчайшими массами рабочих и колхозных читателей, — без многих из

ры писателей из советской интеллигенции. И, хотя за последние время журналу удалось привлечь некоторых из этих писателей, в этом направлении предстоит еще многое сделать.

«Октябрь» не спешит пользоваться репутацией журнала, широко и гостеприимно расширяющего свои страницы для новых и новых кадров молодых советских писателей. Тысячи рукописей присылаются в редакцию «Октябрь», десятки молодых писателей приходят в журнал.

Мы не склонны, однако, преувеличивать достигнутых журналом успехов; мы, напротив, думаем, что «Октябрь» как и все наши литературно-художественные журналы, многого и многого не хватает, ему еще куда расти и развиваться.

Все наши «толстые» литературно-художественные журналы — один больше, другие меньше — далеко и далеко отстоят от хода жизни. Перед ними большие задачи.

Глубже проникать в живую жизнь социалистического строительства; еще и еще полнее, ярче, совершеннее в образах искусства отражать эту жизнь; смелее выдвигать кадры новых, молодых писателей; шире и глубже разрабатывать метод социалистического реализма; значительно шире привлекать к журналу самые широкие слои советских писателей; укреплять литературно-критический отдел журнала; давать читателю высококачественные материалы современной науки; привлечь, наконец, и журналу писателей братских республик; крепче связаться с нашим прекрасным, умным и чутким к художественной литературе читателем из миллионов масс трудящихся; все более становиться подлинным идейно-творческим центром, помогающим росту всей советской литературы, возмужавшей великим пролетариатом писателей А. М. Горьким.

Эти задачи стоят перед журналом, аступившим во второе десятилетие своего существования.

Многое, далеко не много больше, неперимено больше предстоит сделать.

Нечеловеческая жизнь ставит перед журналом и его писателями новые и новые задачи.

Мы твердо уверены в том, что «Октябрь», его редакция, его писатели с еще большей энергией будут дальше работать над разрешением этих задач, за процветание социалистической литературы, создаваемой под руководством ленинской партии и ее вождя тов. СТАЛИНА, великого друга и вдохновителя советских писателей.

У нас не поставлен еще вопрос о жанрах применительно к поэзии. Не учитывая этой жанровой дифференциации, мы проходим мимо весьма существенных и содержательных сторон поэтического творчества. Самое обращение поэта к тому или иному жанру, конечно, не случайно; оно определяется характером отражаемых им сторон действительности и особенностями его творческой индивидуальности. С другой стороны, своеобразие данного жанра обнаруживается и в особенностях образной структуры, и в языке, и в композиции. Разработка проблемы стихотворных жанров является одним из необходимых условий конкретизации споров о советской поэзии.

Одной из любопытных разновидностей стихотворных жанров является в частности так называемая сюжетная поэзия, ярко представленная в творчестве Н. Панова.

Самое не себе понятие сюжетности является чрезвычайно общим понятием. Но, говоря о сюжетном произведении в узком смысле слова, имеем в виду обычно богатство его действия, насыщенность его яркими событиями. Еще Аристотель делил произведения на два типа в зависимости от того, на чем сосредоточено внимание автора: на характерах или на действиях, на событиях. Устойчивость этого деления очевидна. Но характер не может быть раскрыт вне событий, в которых он обнаруживает свои свойства, а события могут быть реализованы лишь при помощи определенных характеров, в частности, в отношении к одному из двух этих полюсов встречается весьма часто. В связи с этим и в нашей поэзии мы — наряду с поэтами, последовательно стремившимися к тому, чтобы выявить себя как определенных характеров, раскрывая отдельные его стороны в отдельных стихотворениях (например, Пастернак), наряду с поэтами, стремившимися создать в своих стихах определенные характеры эпического типа (например, Сельвинский) — встречаем и поэтов, идущих по линии показа действительности прежде всего через события, через напряженное действие. Здесь обнаруживаются ценные, в известной мере, для советской поэзии тенденции.

Напряженность действия, яркость событий позволяют с большой силой и в то же время с большой лаконичностью, экономией художественных средств, показать характерные черты нашей действительности.

Н. Панов давно уже сосредоточил свое внимание именно на сюжетной заостренности своих произведений. Вначале, однако, эта сюжетность

была у него близка к авантюристике. Такова его поэма «Человек в оловянном шарфе» в одноименной книге стихов (1924—27 г.). Там сюжет играет самодеятельную роль, события идут совершенно абстрактно, действительность отсутствует в какой-либо форме и т. п.

В третьей книге стихов 1928—31 г. «Враг своей тени» Н. Панов остается на тех же сюжетных позициях, но решительно преодолевает абстрактность и беспредметность сюжетной организации «Человека» в «оловянном шарфе». Сюжет его приобретает бытовую окраску; но при напряженности и неослабности стихотворного повествования сюжетные события незначительны по своему удельному весу; сюжет здесь вспомогателен, но не глубок. Все повествование построено в сущности по одной сюжетной схеме: новелла разбита на несколько отдельных эпизодов, каждый из которых направляет действие в определенную сторону. Типична в этом отношении новелла «Душа управдома».

Смена таких незначительных сюжетных кадров позволяет занимательно и разнообразно показывать объект изображения новеллы, но самый-то объект малоинтересен.

Последняя книга Н. Панова интересна прежде всего тем, что в ней он делает большой шаг вперед в смысле углубления своего сюжета. Очевиден прежде всего сюжетный рост поэта. Все поэмы, включенные в книгу («Судак» и «Ночь влюбленных») ставят уже большие и острые проблемы. Далекий и советский горец в «Судак», новый человек в «Ночи влюбленных» — обе эти проблемы и значительны и характерны для действительности. Острота сюжетных положений позволяет Н. Панову с большой отчетливостью показывать противоборствующие жизненные тенденции, столкновение их в резком конфликте и тем самым обнаруживать их характерные стороны. Это отчетливо можно наблюдать в поэме «Ночь влюбленных». Предельная близость влюбленных в первую брачную ночь обнаруживает в то же время их глубокую идейную чуждость, поминутка с которой героиня-комсомолка не может. Первая ночь становится и последней.

Для той линии нашей поэзии, которая стремится к созданию широкого лирико-эпического картин действительности, работа Н. Панова дает интересный опыт в смысле использования сюжета в стихе. Но в то же время именно улава, о которой позволяет говорить «Ночь влюбленных», — обнаруживает и слабые стороны сюжетной поэзии в том ее ви-

де, в котором она представлена у Н. Панова.

Увлекаясь сюжетом, остротой сюжетной ситуации, Н. Панов оставляет в тени характеры, которые с этими событиями связаны. Они лишены для него лишь тех алгебраических членов создаваемого им сюжетного уравнения, но не те конкретные явления. И если раньше можно было еще думать о том, что это связано с абстрактностью или наивно-лирическим светом, то теперь безостановочно выступает как основной недостаток творчества Н. Панова, тем более опасный, что он сам стремится утвердить этот свой недостаток, теоретически обосновать его. Так в примечании к поэме «Судак» он прямо говорит: «Персонажи вещи, конечно, не живые люди, а некие условно-романтические маски — целью автора было дать при их посредстве атмосферу полнотного Дагестана, те замечательные социально-психологические сдвиги, которые происходили сейчас на родине Сталина» (стр. 82).

Очевидна ошибочность такой постановки вопроса: показывая социально-психологические сдвиги при посредстве «масок», Н. Панов дает не конкретный жизненный процесс, а лишь схему его, формулу, тогда как специфика работы писателя прежде всего состоит в том, что он отражает жизнь, сохраняя ее конкретные жизненные черты.

Отсюда своеобразная однобокость творчества Н. Панова: острота ситуации не подкреплена глубиной раскрытия характеров и благодаря этому теряется самая ее острота. Поскольку читатель не видит конкретных людей, постольку самая коллизия, в которой они столкнулись, его уже мало волнует, несмотря на неэпическое словесное мастерство и стихотворную технику Н. Панова.

«Ночь влюбленных» драматична по замыслу: трагично положение девушки, ощутившей глубину своей ошибки, обманутой замаскированным своим избранником, трагично в своем роде и его положение, поскольку, сбросив, наконец, свою маску, он неожиданно терпит поражение.

Если бы эти люди были даны с соответствующей глубиной, конфликт был бы разрешен в достаточной мере интересно. Но персонажи поэмы даны условно: они лишь проносятся хорошо зарифмованными монологами:

«Разве ты мне, Боря, не об этом говорил, волненьем разгораясь? Ленинизм беспощадным светом Обнажал капитализма грязь» и т. д.

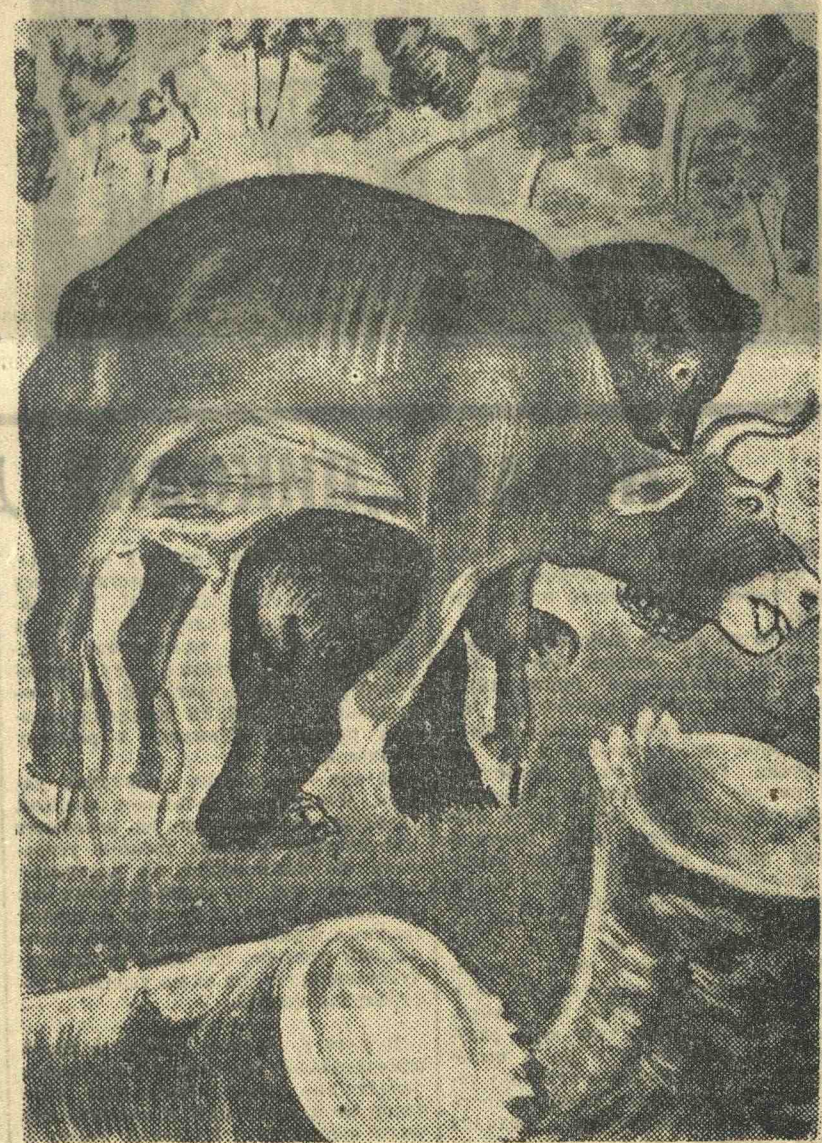
и драматичность ситуаций заслоняется риторичностью монологов.

Последние поэмы Н. Панова обнаруживают, таким образом, и его силу и его слабость.

Эта слабость станет нам в особенности понятной, если мы вспомним о понимании сюжета, которое было дано М. Горьким в «Беседе с молодыми». Сюжет для М. Горького прежде всего — история роста и развития характера, типа.

Отрывая сюжет от характера, Н. Панов тем самым лилит сук, на котором сидит. В процессе своего поэтического роста Н. Панов уже добился социальной насыщенности и остроты сюжета. Следующим и необходимым для него шагом является разработка проблемы показа характера.

Л. ТИМОФЕЕВ.

Н. ПАНОВ. Фотография работы самодельных колхозных художников. «МЕДВЕДЬ С ДОБЫЧЕЙ» — И. АКАБЕВ (пастух-чабан аула Маруханово Семеновского района Каракаевской области).

Семейные переживания Льва Павловича Карабаева, может быть, и дополняют его образ как прекрасного отца и талантливого супруга, но они же уводят его характеристику из области общественно-политической в индивидуальную-психологическую. А так как семья Карабаева попросту отсутствует в романе центральным улом, в котором сплетаются его наиболее интересные сюжетные линии, то сюжет в целом оказался почти оторванным от «периферии» романа — глубокие выкладки историческое-материала живут в нем самостоятельной жизнью.

Именно поэтому довольно сложный композиционный рисунок романа с нитями судьбы, подготавливаемыми, торжественными действиями и прочими эффектами никак не повышается напряженности описанных в нем событий. Ибо интерес читателя сосредоточивается не на внешней последовательности этих событий, а на исполнении внутренней динамики развития, который сопрягается с сюжетом, но почти от него не зависит.

Иначе обстоит дело с Кандушей. В его образе Козаков реализовал всю силу своей выдумки, не только раскрыл его глубину, но и очень уверенно и с большой сюжетной изобретательностью удержал его психологическую роль в чередовании документально-исторических кадров. Но тем не менее получилось нехорошо. Нехорошо потому, что «психология» Кандуши, переходящая в патологию (не без родимых пятен все той же «достоверности»), заслоняет в его образе более будничные и более типичные черты трезвой политической сознательности. Нехорошо, потому что и осязательность с этим «образом» жизни сюжет оползает в такую же врожденную психологическую, не являющуюся мелодраматическому привку-

же и сам Козаков не совсем еще их преодолел: оловянный замисл, связанные с кандушинским образом, свидетельствуют об этом не менее красноречиво, чем проходила через весь роман острота художественного воображения автора от конкретного исторического материала.

5.

Подведем некоторые итоги. Правильно найденные исторические пропорции (за исключением нескольких, в этом смысле спорных сцен, сопряженных с образом Кандуши), тщательная выверенность черт его прошлого, по которым роман написан, — вот что определило достоинства «Девяти точек». Но там, где в романе свободный художественный образ сталкивается с документальным фактом, он утрачивает свое внутреннее равновесие, и в нем явно проступают его недостатки. Основным и решающим на них является именно это отсутствие полной слитности выдуманного с действительно бывшим в единой художественной правде. И хотя «Девять точек» — роман не исторический, и его главные герои прототипы событий, продукт свободной фантазии, тем не менее его историко-описательная сторона оказывается полнее, сильнее и достовернее, чем человеческие образы, писанные Козаковым, у которого суммируя все, что только поднимает его логике своего героя, а не создает таких живых и полнокровных образов, в движении которых эта линия раскрывалась бы.

В заключение, однако, необходимо вывести из скобы этой оценки как ряд второстепенных персонажей романа (Мамыкин, журналист Фома Аскринов и т. д.), так и неравномерность еще в полной мере зарисовки людей большевистского подполья. И те и другие, сделанные с большой убедительностью, как бы вырастают из самого материала. Но если первые проходят по страницам романа как живые иллюстрации исторических фактов, то вторые — большевики — будут играть в нем главные исторические роли. Хочется думать, что именно последние, в изображениях которых Козаков нацелен на правду, и в вымысле и изобретении, а в конечном итоге разрешение его сложной художественной задачи.

ГЕРМАН ХОЛЮБ.

КАК РОЖДАЛСЯ „ОКТЯБРЬ“

Во всяком хорошем доме должен быть журнал на столе. Всякое хорошее общество литературное должно иметь свой собственный журнал. Имел свой журнал и РАПП. Назывался он «Октябрь».

Это был дохленький, безликий, выжидательный журналчик, и сам редактор РАПП безразлично перелистывал его пустые, серые, никому не нужные странички.

«Что-то с ним надо было сделать, с этим журналом, когда меня назначили редактором».

Во-первых, подобрать сотрудников, внутренне их организовать. Во-вторых, создать спятивший редакционный коллектив, проинизанный указаниями и директивами партии.

В те времена блистали имена сподручников, как тогда называли их. Тогда блистала «Красная новь» под редакцией Т. Вороного.

Я обратился ко всем сотрудникам «Красной новь», приглашая сотрудничать и в «Октябре». Они даже глаза не подняли, молча повернувшись спиной. Тов. Вороной выпятил губу.

А. СЕРАФИМОВИЧ

КАК РОЖДАЛСЯ „ОКТЯБРЬ“

Во всяком хорошем доме должен быть журнал на столе. Всякое хорошее общество литературное должно иметь свой собственный журнал. Имел свой журнал и РАПП. Назывался он «Октябрь».

Это был дохленький, безликий, выжидательный журналчик, и сам редактор РАПП безразлично перелистывал его пустые, серые, никому не нужные странички.

«Что-то с ним надо было сделать, с этим журналом, когда меня назначили редактором».

Во-первых, подобрать сотрудников, внутренне их организовать. Во-вторых, создать спятивший редакционный коллектив, проинизанный указаниями и директивами партии.

В те времена блистали имена сподручников, как тогда называли их. Тогда блистала «Красная новь» под редакцией Т. Вороного.

Я обратился ко всем сотрудникам «Красной новь», приглашая сотрудничать и в «Октябре». Они даже глаза не подняли, молча повернувшись спиной. Тов. Вороной выпятил губу.

КАК РОЖДАЛСЯ „ОКТЯБРЬ“

Во всяком хорошем доме должен быть журнал на столе. Всякое хорошее общество литературное должно иметь свой собственный журнал. Имел свой журнал и РАПП. Назывался он «Октябрь».

Это был дохленький, безликий, выжидательный журналчик, и сам редактор РАПП безразлично перелистывал его пустые, серые, никому не нужные странички.

«Что-то с ним надо было сделать, с этим журналом, когда меня назначили редактором».

Во-первых, подобрать сотрудников, внутренне их организовать. Во-вторых, создать спятивший редакционный коллектив, проинизанный указаниями и директивами партии.

В те времена блистали имена сподручников, как тогда называли их. Тогда блистала «Красная новь» под редакцией Т. Вороного.

Я обратился ко всем сотрудникам «Красной новь», приглашая сотрудничать и в «Октябре». Они даже глаза не подняли, молча повернувшись спиной. Тов. Вороной выпятил губу.

Тут они жили, тут они росли, тут они набирали силы, тут они расширяли, отстраивали свой дом, от которого потянулись нити к читательскому слою пролетариата. Тут крепки и окрепли пролетарские писательские ряды. «Октябрь» рос и вырос не потому, что у него была какая-то осо-

бенная по качеству редакция (редакция вообще-то неплохая была), а потому, что в пролетарских рядах читателей назрела потребность своего пролетарского журнала. Журнал вырос вниманием, поддержкой пролетариата.

РАПП сыграл крупнейшую роль в заглавании пролетарской литературы. Но когда РАПП достиг вершины своей силы, славы, верхушка его стала разлагаться, — тонкая, злая, разлагающаяся червоточина пошла гнилью карьеризма, лжи, интриги. Верхушка РАПП и журналы свои старалась использовать как молоты для ковки своей карьеры. Разумеется, редакция «Октябрь» на такую роль не пошла. Завязалась борьба.

Трудно, в борьбе рождался «Октябрь».

Теперь молодая редакция умело ведет крепкий, здоровый пролетарский журнал в кровной связи с широкой массой пролетарского читателя и писателя.

на самом же деле если они и значительны, то только своей причастностью к большим событиям, а не художественным выражением их смысла в своей судьбе и в своем поведении. Миллюков, Хвостов, Распутин, Бриган, Ллойд-Джордж, русские парламентарии за границей, иностранные дипломаты в Петрограде — имена, имена и имена — и каждое из них выведено очень четко, исторически правильно, снабжено личными примечаниями и играет свою положительную роль в развитии идейных сил романа, в центре которых должны находиться его главные герои. Но от того, что Карабаев записывает в дневнике свое наивное восхищение Ллойд-Джорджем или Бриганом, от того, что на его квартире происходит политическая размова, а за ней драка, от того, что вокруг него что-то совершается, от этого его собственный образ не становится более убедительным, чем он был в первой книге романа.

Совершенно так же расстроен в общении материала Федя Калмыков: на страницах романа он появляется очень часто, много рассказывает, еще больше вспоминает, но дочитав роман до конца, и вам будет трудно сказать в памяти хотя бы одну яркую черту этого смелого интеллигента на заре своей общественной карьеры.

И, наконец, Кандуша — третий, наиболее значительный образ романа — «ловец человека», вдохновленный агент охранки, поэт своего грязного ремесла. Да, этот образ вырос, прояснился, вошел в крепкие сюжетные овалы с новым материалом романа, но, пожалуй, было бы лучше, если бы он оставался где-нибудь на его задворках. Потому что, если остальные герои романа не сумели во второй книге проявить себя в полной мере, то этот занял в ней место, вряд ли по праву ему принадлежавшее.

Все дело в том, что вместо с прежними действующими лицами Козаков перенес во вторую книгу романа и прежние сюжетные приемы и прежнюю композицию человеческих взаимоотношений, по которой эти действующие лица были расставлены. Но то, что было уместно в рамках романа, развивавшегося в территориально-психологическом и идейно ограниченном пространстве, оказалось далеко недостаточно для того, чтобы связать воедино его новый материал широкого исторического охвата.

Всю историю жизни и творчества Н. Панова можно считать историю борьбы за социализм, за новую культуру, за новую литературу. В этой борьбе он прошел путь от «Человека в оловянном шарфе» до «Ночи влюбленных».

Н. Панов — человек, который не боится трудностей, который не боится борьбы. Он всегда был и будет верен своему делу, своему народу, своему социализму.

Н. Панов — человек, который не боится трудностей, который не боится борьбы. Он всегда был и будет верен своему делу, своему народу, своему социализму.

Н. Панов — человек, который не боится трудностей, который не боится борьбы. Он всегда был и будет верен своему делу, своему народу, своему социализму.

Н. Панов — человек, который не боится трудностей, который не боится борьбы. Он всегда был и будет верен своему делу, своему народу, своему социализму.

Н. Панов — человек, который не боится трудностей, который не боится борьбы. Он всегда был и будет верен своему делу, своему народу, своему социализму.

Н. Панов — человек, который не боится трудностей, который не боится борьбы. Он всегда был и будет верен своему делу, своему народу, своему социализму.

Н. Панов — человек, который не боится трудностей, который не боится борьбы. Он всегда был и будет верен своему делу, своему народу, своему социализму.

К Н И Г И

магазин «Советский писатель»,
ул. Горького, 20, против Теле-
графа. телефоны: 1-96-49 и 73-34.

3

ЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ

№ 6

42-39

художественной (беллетристика, кра-
ки, техника и другие дисциплины).
ью индивидуальному потребителю.
по телефону и сообщаются письменно.

С целью литературного показа лучших зотовских бойцов за овладение техникой и для выявления авторских сил зотовского движения Редакция

Учреждение должно быть написано в художественной форме и общедоступным языком. В конкурсе могут участвовать все желающие.

Темы открыки: описание деятельности общественной организации; разработка добровольной трудовой службы; пропаганда среди рабочих-авторов, или массового мероприятия по технической пропаганде (техбей, техдуд и т. п.), организационного айтекой 30Т, либо зарисовки отдельных знамениток 30Т в процессе их производства-технического творчества.

Сроки приема работ: с 18.06.98 по 15.07.98 г. Более 1/2 лиз. листа (до 12 страниц) ка-

Срок конкурса — по 1 мая 1935 года.
Условиями конкурса являются: а) конкурс открыт для всех граждан; б) речевые материалы принимаются в количестве не более одного листа формата А-4 с указанием имени, отчества, фамилии автора и адреса — препровождаются в отдельном конверте, с надписью «для лингвистов».

Преconditions установлены три премии: I-я — 1000 руб., II-я — 750 руб., III-я — 500 руб. (сверх гонорара в 600 руб. за авторский лист в 40 000 знаков).

Результаты будут объявлены не позже 1-го июля 1935 г.

Все преconditions, а также одобренные жюри конкурса рукописи, будут высланы авторам в течение 1935 г. и могут быть использованы в издательском собрании.

ГО,
ГО
10-
НОГИЗ

МАН—арт. КОВАЛЬСКИЙ, ЛИЗА —
арт. СОКОЛОВА и сцена в комнате
графини

по восприняли предложенное им Мерксом трудное искусство пантомимы. Герман в трактовке Вс. Мейерхольда и в исполнении Н. И. Кавальского впервые предстаёт, как пушкинский образ: «Лино истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля». Э. внешне скромный военный инженер, одинокий в кругу блестящих офицеров, представитель иной социальной среды, мятущийся маньяк свое

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на собрание сочинений французского философа
и писателя XVIII века

сидя: артист отлично овладел сложным психологическим рисунком роли на премьере ему не вняло: дали некоторые части вокальной партии. Женский состав солистов вообще оказался более сильным в вокальном отношении, чем мужской. При этом Н. Л. Вельтер дала чрезвычайно убедительный целостный образ графини, молодящейся старухе пережившей свою эпоху, знамя которой она пытается держать высоко. А. И. Соколова отбросила штаммы, связанные с фигурой Лизы, ее Лиза

— живой, любящий человек, полны
дурического обаяния.

Традиционной декорации Зинке
казалось нет в этой постановке
всего того, что насковно петербургски
спектакль. Он, кажется, не мог бы
быть создан вне этого удивительно
го города. Классические архитекту
рные ансамбли, гранитные набере
ные, самый его воздух опущающий
этом произведении искусства, одно
временно величественном и нервном.

В спектакле есть спорные и сомни
тельные моменты, есть противоречи
тельные куски его персонификации,
наложен, возможны и иные трактов
ки «Пиковой дамы». Однако неоспо
римое значение этого спектакля: бы
стало раскрыто одно из лучших про
изведений мирового оперного искус

ства, при этом раскрыто внутренне конституционно ему, в музыкальном театре совершен подлинный переворот. И попятен необычайный интерес к этому спектаклю в Ленинграде: его огромный успех. Прямля снова после 17-летнего перерыва на оперную сцену и в то же время на ленинградскую сцену вообще, замечательный мастер сказал то новое слово, которого наша оперная публика так долго ждала. И это новое слово должно толкнуть наших драматургов и композиторов на создание новой советской музыкальной драмы.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

Р. С. Интереснейшие экспериментальные спектакли Малого оперного театра («Джентли», «Юноса» и «Камелия» в Москве неизвестны. Мы поднимали перед Наркомпросом вопрос о показе в Москве «Пиковой дамы» и др. постановок Малого оперного театра.

А. Ф.

Ответственный редактор
А. А. БОЛОТНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное
Объединение

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сretenka
Последний пер., д. 28, тел. 69-61 и
4-34-60.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страст-
ная бульвар, 11, тел. 4-68-18 и
5-54-69.

Содержание томов:

том 5-й—Театр, Драматургия шнися к России,

Полавляющая часть произведений появляется на русском язъ.

Все издание должно быть выпущено в течение 4-х лет. Тома бу-

Цена всего издания 110 руб. При заказе вносится задаток в размере 11 руб. и при получении каждого тома по 11 руб. — Задаток засчитывается при получении последнего тома. Пересылка за счет

Подписка принимается: в магазинах, киосках, и у фискальных коллекторов Бюро-торгового Об'единения Государственных Издательств.

Р. 6

в свет очередной № 16—18

ЛИТЕРАТУРНОЕ

ПОСВЯЩЕННЫЙ

От редакции * Напечатано в журнале "Мир" №

Пушкин-критик. А. Дунаевский.
Путь Пушкина к реализму. И.
ков. В. Враская.
Пушкин в неопубликованных письмах

«Тень Фомыкина». Ненаданная поэма Пушкина, Л. Модзалевский, Новые материалы из архива...

1. Судьба тетради Всеволожского.
2. Судьба тетради Капниста. Б.

Пушкин и Кюхельбекер. Ю. Ты-

Историко-литературные	опыты	3. План статьи о феодализме.
Пушкина, О. Бонди.		Н. Козмин.

Гетра I. П. Цонов.
Николай I — редактор Пушкина.

Неизданные письма Пушкина:

3. Письмо к М. А. Дондукову-Корсакову.

Н. И. Гончаровой, М. Т. Лебелера.

Пушкин в поэзии его современников И. Воданов

2. Письма: М. В. Безобразова к Пушкинскому юбилею 1899 года. Р. Майер.

П. ГАРСКОГО, В. НЕЧАЕВОЙ И Д.
П. ГАРСКОГО, В. НЕЧАЕВОЙ И Д.

Эпистолярные тексты. Л. Модзалевский.

Погодина, М. Пяловский. Подготовка и столетню смерти

ЦЕНА НОМЕРА 45 РУБЛЕЙ

... в Издательство стоимость почтовым переводом. Приславшим деньги

пересылка за счет Издательства.

Типография газеты «За индустриализацию». Москва. Престной бульвар, 30.